Е. М. ЖАБИНА

Художественный историзм лирики поэтов пушкинской поры

Монография

Москва
2013

Елена Михайловна Жабина

Художественный историзм лирики поэтов пушкинской поры

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9245048
Художественный историзм лирики поэтов пушкинской поры: Монография./ Жабина Е. М.: Прометей; Москва; 2013
ISBN 978-5-7042-2447-1

Аннотация

Монография посвящена исследованию специфики художественного историзма лирики поэтов пушкинской поры. В работе собран и рассмотрен обширный материал, включивший в себя множество поэтических текстов первой половины XIX века. Внимание к ним носит разноуровневый характер: это и проблемы литературных направлений, жанров, художественного своеобразия, и версификационные особенности памятников русской поэзии.

Книга предназначена для литературоведов, преподавателей вузов, аспирантов, студентов филологических факультетов.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Проблема воплощения исторического материала в поэзии первой трети XIX столетия 5
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Елена Михайловна Жабина
Художественный историзм лирики поэтов пушкинской поры: Монография

Научный редактор

В. И. Коровин, профессор Московского педагогического государственного университета, доктор филологических наук

Рецензенты:

С. В. Сапожков, доцент Московского педагогического государственного университета, доктор филологических наук

Е. Е. Дмитриева, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, кандидат филологических наук

Проблема воплощения исторического материала в поэзии первой трети XIX столетия

Проблема художественного историзма лирики пушкинской поры имеет большое историко-литературное и теоретическое значение.

Под историзмом в *Краткой литературной энциклопедии* понимается «художественное освоение конкретно-исторического содержания той или иной эпохи, а также ее неповторимого облика и колорита. Историзм – это способность схватить ведущие тенденции общественного развития, проявляющиеся в общенародных событиях и индивидуальных судьбах»[1].

В исторической науке термин «историзм» определяется следующим образом: «*Историзм* – это принцип научного мышления, рассматривающий все явления как развивающиеся на основе определенных объективных закономерностей»[2].

Само понятие *историзма* (нем. *Historismus*) было впервые введено Ф. Шлегелем в 1797 г. и определялось как принцип

---

[1] Краткая литературная энциклопедия: В 9-ти т. М., 1966. Т. 3. С. 227–230.

[2] Советская историческая энциклопедия: В 16-ти т. М., 1965. Т. 6. Стлб. 453–455.

мышления, в основе которого лежит представление о постепенном «органическом» развитии любого явления и о каждом этапе в истории как определенном и необходимом звене в историческом процессе.

Историзм предполагает не только достоверность фактов, событий, имен, точность освещения обстоятельств, времени и места. Не только показ явлений, действий в их взаимосвязи и развитии. Это прежде всего глубокое проникновение в эпоху, постижение мировоззрения людей того времени, о котором рассказывает автор, «точное понимание особенностей временной ментальности в сочетании с неизменными чертами человеческого характера»[3]. Историзм заключается и в умении увидеть ведущее, определяющее в историческом процессе, отделяя второстепенное. «Историзм *исключает* перенос современной планки сознания, психологического уровня в предшествующие времена, но в то же время обязывает автора быть во всеоружии последующего исторического опыта»[4].

Раскрывая понятие *историзма*, представляется целесообразным рассмотреть значение и смысл самого слова «история». При этом следует иметь в виду, что как значения, так и прежде всего смыслы данного слова существенно менялись

---

[3] Поляков Ю. «Воскресить минувший век во всей его истине» // Свободная мысль. 1999. № 6. С. 105.

[4] Поляков Ю. «Воскресить минувший век во всей его истине» // Свободная мысль. 1999. № 6. С. 105.

на протяжении трех последних тысячелетий.

А. А. Тахо-Годи отмечает[5], что ионийское слово «история» (laxopla) происходит «… от индоевропейского корня *vid,* значение которого выступает в латинском *video* русском *видеть.* Как видно из греческих слов *oida* «знаю» или *eidenai* «знать», образованных от того же корня, слова с этим корнем обозначают не просто зрительное восприятие, но и познавательные процессы, что нетрудно заметить также и в русском *ведать* и немецком *wissen,* относящихся уже окончательно к сфере мышления»[6].

Лингвист Ж. Ле Гофф также замечает, что «концепция видения как значимого источника знания приводит к идее, что *istor,* тот, кто видит, одновременно является тем, кто знает; *istorein* по-древнегречески означает "разузнавать (стараться узнать)", "информировать кого-либо". История, таким образом, – это расспрашивание (разузнавание)… Связь между *voir* и *savoir* (фр. "видеть" и "знать"), между видением и знанием, является, таким образом, первой проблемой»[7].

Первоначально (судя по дошедшим до нас текстам) возникает не само слово «история», а родственные слова – гот-

---

[5] Лингвистическое толкование понятия «история» приводится по материалам издания: Тахо-Годи А. А. Ионийское и аттическое понимание термина «история» и родственных с ним // Вопросы классической филологии. М.,1969. Выпуск 2. С. 107–126.

[6] Там же. С. 112.

[7] Le Goff J. L'appetit de l'histoire //Essais d'ego – histoire, reunis etpresentespar. P., 1987. S. 102–103.

сор и гот*орёсо.* Словом «истор» («историк») обозначался человек, собирающий, анализирующий, оценивающий и пересказывающий некие сведения (некую информацию). Таким образом, первоначально «истор» – это, с одной стороны, *свидетель,* очеемЭец с другой – *сведущий,* осведомленный человек. Например, у Гомера «истор» (гот*сор)* – это третейский судья, то есть человек, выслушивающий свидетельства, оценивающий их и выносящий суждение об их истинности или ложности[8], у Платона «истор» – это «сведущий», «знающий»[9].

Глагольная форма гот*орёт* означала либо *видеть,* либо собирать *свидетельства* или сведения, либо рассказывать об увиденном *(*свидетельствовать) или пересказывать полученные свидетельства и сведения. Таким образом, это слово имело два основных значения: во-первых, «спрашивать», «допытываться», «искать» и т. д., указывая на «дознавание», то есть на выспрашивание или осведомление на основании того, что другой человек сам видел или испытал, во-вторых, «рассказывать, как очевидец, об увиденном». Такие значения гот*орёсо* встречаются, например, в классической трагедии V в. до н. э., в частности, у Эсхила, Софокла и Еврипи-

---

[8] Гомер. Илиада. Песнь XVIII. М., 1993. С. 501; Гомер. Одиссея. Песнь XXI. М., 1993. С. *26.*

[9] Платон. Кратил // Платон. Собрание сочинений: В 4-х т. М.,1994. Т. 1. С. 613–682.

да[10].

Сходные значения имели и другие однокоренные слова. Например, в Новом Завете, в Послании к Галатам святого апостола Павла говорится: «… ходил я в Иерусалим видеться с Петром…» (Гал. 1, 18). По мнению Д. Фоакс-Джексона, специалиста по христианской историографии, в данном контексте слово «видеться» (*тторг/гги* в греческом оригинале) имеет значение «расспросить, получить свидетельства от очевидца»[11].

В «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера приводится следующее определение понятия «история»: «История – это изложение фактов, приведенных в качестве истинных, в противоположность басне, которая является изложением фактов ложных»[12]. В данном случае под басней понимается не литературный жанр, а степень достоверности исторических фактов. История – это память далеко не обо всех вещах и событиях прошлого, но лишь о «действительно полезных исторических фактах»[13], то есть таких, которые имели отношение к важным и коренным моментам развития человеческого рода. Критерии надежности исторических исследова-

---

[10] См. об этом: Тахо-Годи А. А. Ионийское и аттическое понимание термина «история» и родственных с ним //Вопросы классической филологии. М.,1969. Выпуск 2. С. 114.

[11] Foakes-Jackson F. J. A History of Church History. Studies of Some Historians of the Christian Church. Cambridge, 1939. S. 5.

[12] История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л.,1978. С. 7.

[13] История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978. С. 244–245.

ний носили отнюдь не только теоретический характер. Дело в том, что в XVIII столетии в обществе были еще живы традиции скепсиса по отношению к истории, утвердившиеся в XVII веке и хорошо выраженные как в известной максиме: «История – всего лишь общепринятая басня», так и в скептицизме французского архитектора Ардуэна, объявившего поддельными все древние и раннесредневековые источники. Дидро понимал басню как нечто выдуманное, то есть то, что никогда не было и не могло быть в реальной истории. Басня в данном случае воспринималась как способ воспроизведения действительности (слух, сплетня, анекдот), а не литературный жанр.

Собрав, проверив и осмыслив факты, историк обязан перейти к их художественному изложению, необходимыми качествами которого являются ясность и простота стиля, краткость, живой язык. Историк пишет не для одних специалистов, но для всей читающей публики и потому обязан обладать также и литературным красноречием. «Историк, извлекший материал из хороших источников, сопоставивший свидетельства и здраво их оценивший, словом, изрядно потрудившийся, является искусным историком. Но если он обладает еще и даром приличествующего красноречивого изложения, он более чем искусен, он – великий историк»[14]. Трудность задачи историка состоит в том, что, принадлежа к типу культуры одного времени, он должен попытаться про-

[14] Там же. С. 244.

никнуть в стиль мышления и поведения людей другой культуры – таково предварительное условие самой возможности общения человека настоящего времени с представителями прошедших времен. Иными словами, «он должен выразить другое время в его реалиях, передавая его на языке понятий своего собственного времени»[15].

В книге «О духе законов» (1748), излагая историю различных государств, Монтескье высказывал мысль о закономерности всего существующего. Кроме законов природы, существуют законы, создаваемые людьми. Эти законы определены условиями жизни людей. В этой связи Монтескье обосновывал огромную роль географического фактора; человеческими действиями управляют климат, религия, законы, правительственные распоряжения, примеры прошлого, нравы и обычаи. Совокупность всех этих обстоятельств и их взаимодействие рождают «дух народа», которому и должны соответствовать устанавливаемые в обществе законы[16].

Просветители сосредотачивали свои взгляды на истории государств, цивилизаций и культур. В таком подходе содержалась возможность сосредоточиваться на выяснении национального своеобразия культур, государственного устройства, быта, нравов отдельных народов. Внимание историков к прошлому данной страны, данного народа, собирание до-

---

[15] Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 92.

[16] См. об этом: Монтескье Ш. Л. О духе законов // Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М., 1955. С. 159–733.

кументов, различных материалов неизбежно вело к постановке вопроса о национальном характере, об особенностях и своеобразии культуры, искусства, языка данного народа. Огромная роль в изучении национальной специфики культур принадлежит Гердеру. Принципиально новым «в историческом мировоззрении Гердера было понимание исторического и национального своеобразия “времен и народов”. Национальной культурой данного народа в свою очередь обусловлены его язык, искусство и поэзия как выражение его сознания и национального характера» [17]. Время у Гердера становится исторической категорией. Преодолевая механистическое представление об историческом прогрессе, он показывает движение времени не линейное, а по восходящей, когда настоящее не отменяет прошлого, но обобщает его, вбирает его опыт. На этой основе были сформулированы понятия «дух времени» и «дух народа».

Отметим, что до эпохи Просвещения одним из главных в истории средневековья был вопрос о конечной цели исторического процесса: «Мир начался в акте творения, он не был безначальным, – но он не может быть вечным в том его состоянии, в каком он находится» [18].

Просветительской концепции прогресса в истории как развития по восходящей линии от низшего к высшему в

---

[17] Жирмунский В. М. Жизнь и творчество Гердера // Гердер И. Г. Избранные сочинения. М. -Л., 1959. С. 7.

[18] Зеньковский В. В. Основы христианской философии. М., 1992. С. 246.

XVIII в. противостояла теория круговорота, выдвинутая итальянским философом и социологом Дж. Вико. В своем сочинении «Основания новой науки об общей природе нации» (1725) он развернул учение о цикличности развития человеческого общества. Согласно Вико, общество проходит стадию детства (период богов), юности (героический период) и зрелости (человеческий период), в котором и живет современное человечество. «Человеческий период» – высший, после него общество начнет разрушаться, и человечество вновь перейдет к первобытному состоянию[19].

В начале XIX столетия историко-критическая школа в лице своих главных представителей, Нибура и затем Ранке, провозгласила, что главная цель истории – отыскать и представить истину. В предисловии к своему первому труду – «Geschichte der romanischen und germanischen Volker (1824) – Ранке писал, что «истории вменяли в обязанность быть судьей прошлого, поучать современников на пользу будущего», однако сам он желает «просто показать, *как оно собственно было»,* «wie es eigentlich gewesen», «ибо, – замечает он в приложении к этому труду, – «Zur Kritik neuer Geschichtschreiber» – «идеал всегда в том, чтобы представить миру историческую правду». Ранке считал, что история по самой своей натуре должна питать отвращение к вымыслам и фантазиям и допускать только то, что верно. «Трудно от-

[19] См. об этом: Вико Дж. Б. Основания новой науки об общей природе нации. М., 1940.

личить истинное от ложного и среди различных известий избрать достоверное»[20]. Историко-критическая школа стремилась к точному, по возможности объективному, воссозданию прошлого.

В первой четверти XIX столетия самым крупным программным документом формировавшегося историзма в России стала «История государства Российского» Н. М. Карамзина. В «Предисловии» к этому сочинению Карамзин писал: «Есть *три* рода Истории: *первая* современная, например Фукидидова, где очевидный свидетель говорит о происшествиях; *вторая,* как Тацитова, основывается на свежих словесных преданиях в близкое к описываемым действиям время; *третья* извлекается только из памятников, как наша до самого XVIII века. В *первой* и *второй* блистает ум, воображение Дееписателя, который избирает любопытнейшее, цветит, украшает, иногда *творит,* не боясь обличения; скажет: *Я так видел; так слышал* <… > *Третий* род есть самый ограниченный для таланта; нельзя прибавить ни одной черты к известному; нельзя вопрошать мертвых; говорим, что предали нам современники; молчим, если они умолчали»[21], ибо историк обязан «представлять единственно то, что сохрани-

[20] Цит. по: Бузескул В. Античность и современность: Современные темы в античной Греции. СПб., 1913. С. 122–123.

[21] Карамзин Н. М. История государства Российского: В 3-х книгах. М., 1988. Кн. 1. С. 11–12.

лось от веков в Летописях, в Архивах»[22]. При этом, говоря о верхнем пределе истории «третьего» рода («как наша до самого XVIII века»), Карамзин дает подстрочное примечание, конкретизирующее намеченную им схему применительно к русскому историческому процессу: «Только с Петра Великого начинаются для нас словесные предания; мы слыхали от своих отцев и дедов об нем, о Екатерине I, Петре II, Анне, Елисавете много, чего нет и в книгах»[23].

В основу своей историографической типологии Карамзин положил степень удаленности историка от прошлого и характер дошедших от него источников (памятников) и четко обособил в этом отношении отдаленное прошлое, недоступное прямому наблюдению историка или его информаторов и фиксируемое, поэтому, только в «мертвых», давно отложившихся памятниках. В рамки этой истории «третьего» рода, – а в России она простиралась до конца XVII – начала XVIII в. – всецело укладывалась и сама его «История государства Российского». История «третьего» рода или Древняя, Допетровская Русь, – это именно тот период, который, согласно господствовавшим в первые десятилетия XIX в. взглядам, был истинным прибежищем исторической науки, только на нем и сосредотачивавшей свое внимание.

В отличие от него, история «первого» («Фукидидова») и «второго» («Тацитова») – родов – это современная или

[22] Там же. С. 12.

[23] Там же. С. 12.

близкая к ней действительность, которая восстанавливается по «живым», «говорящим» источникам (собственным впечатлениям историка и рассказам информаторов – очевидцев) или по «словесным преданиям», записанным очевидцами сразу или вскоре после событий. В России хронологической гранью, отделяющей историю «первого» и «второго» родов (они здесь объединены Карамзиным по сходству способов отображения исторической действительности) от истории «третьего» рода, выступает, по Карамзину, время Петра I.

Английский историк-методолог и философ Р. Коллингвуд, касаясь вслед за Карамзиным исторического метода античных историков, образно выразил его существо: он «держал их на привязи, длина которой определялась непосредственной живой памятью. Единственным источником для критики был очевидец событий» [24]. Или, говоря иначе, «ретроспективные границы поля видения историка определялись границами человеческой памяти» [25].

Н. М. Карамзиным в «Истории государства Российского» была поставлена проблема художественного воплощения истории страны. «Художественность изложения как непременный закон исторического повествования была сознательно прокламирована историком, считавшим, что “видеть действия и действующих”, стремиться к тому, чтобы истори-

[24] Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: Автобиография. М., 1980. С. 26–28, 33.
[25] Там же. С. 26–28, 33.

ческие лица жили в памяти “не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиогномиею” – это значит знать и чувствовать историю…»[26]. А. С. Пушкин увидел в «Истории…» Карамзина реализованную возможность повествования, при котором субъективные убеждения и пристрастия автора (его «любимые парадоксы»[27]) не исключает иных суждений, необходимо вытекающих из «верного (то есть полного, не урезанного и не искаженного в пользу собственной концепции) рассказа событий»[28]. Не случайно, поэтому, что главный недостаток первых томов «Истории русского народа» Н. А. Полевого Пушкин усмотрел в тенденциозности, в легкомысленном и мелочном желание поминутно противоречить Карамзину, в «излишней самонадеянности»[29]: «Уважение к именам, освященным славою <… > первый признак ума просвещенного. Позорить их дозволяется токмо ветреному невежеству…»[30]. Пушкин замечает, что в своем труде Полевой руководствовался соображениями французских

---

[26] Сахаров А. Н. Уроки «бессмертного историографа» // Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12-тит. М., 1989. Т. 1. С. 428.

[27] Пушкин А. С. «История русского народа». Сочинение Н. Полевого // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти т. Л., 1978. Т. 7. С. 96.

[28] Ветловская В. Е. Пушкин. Проблемы истории и формирование русского реализма // Литература и история: Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв. / Под ред. Ю. В. Стенника. СПб., 1992. С. 34.

[29] Пушкин А. С. «История русского народа». Сочинение Н. Полевого // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти т. Л., 1978. Т. 7. С. 92.

[30] Там же. С. 93–94.

историков: «Г-н Полевой сильно почувствовал достоинства Баранта и Тьерри и принял их образ мнений с неограниченным энтузиазмом молодого неофита» [31]. Однако эти достоинства требовали критического взгляда: они явились на почве осмысления фактов чужой истории, а вместе с тем и на почве всеобщего увлечения романами Вальтера Скотта с их поэтическими вымыслами и той вольностью обращения с материалом, которая недопустима в исторической науке: «Действие В. Скотта ощутительно во всех отраслях современной ему словесности. Новая школа французских историков образовалась под влиянием шотландского романиста» [32]. Своевольная трактовка исторических лиц и событий, «насильственное направление повествования в какой-нибудь известной цели»[33] в виде собственной или заимствованной любимой идеи сообщают истории характер романа, тогда как самый роман на современном этапе развития литературы (точно так же, как любая другая форма эпоса или драмы) должен иметь, по мысли Пушкина, все достоинства реальной истории – правдивого, беспристрастного рассказа о прошлом и настоящем.

Что же нужно драматическому писателю? Таким вопросом задавался Пушкин, разбирая драму М. П. Погодина

---

[31] Там же. С. 95.

[32] Там же. С. 95.

[33] Там же. С. 94.

«Марфа Посадница»[34]. На что сам и отвечал: философия, беспристрастие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, никакого предрассудка любимой мысли и свобода. То же самое необходимо и прозаику, и поэту. Говоря о свободе, Пушкин имел в виду свободу от любимых мыслей и симпатий, но эта свобода предполагала полную зависимость от исторической правды. «Драматический поэт, беспристрастный, как судьба, – писал Пушкин в том же разборе драмы Погодина, – должен был изобразить столь же искренно<… >. Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, но люди минувших дней, их умы и предрассудки. Не его дело оправдывать или обвинять, подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине»[35]. Именно потому, что эта истина ни в прошлом, ни в настоящем в точности неизвестна, она и «требует добросовестного исследования». Пушкин не отрицал ни субъективной, нравственной оценки, ни пристрастий личных чувств и убеждений, а стремился заострить мысль, чтобы подчеркнуть главное: важнее, чем пристрастия, важнее, чем добродетель и порок, была историческая правда. Писателю, так же, как и историку, нужно вглядываться в факты, правильно их сопоставлять, отыскивая внутреннюю связь, отделяя

[34] Пушкин А. С. О народной драме и драме «Марфа Посадница» // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти т. Л., 1978. Т. 7. С. 146–152.

[35] Там же. С. 151.

главное от второстепенного, и делать лишь те выводы, которые подсказывает логика исторических ситуаций, их видоизменений, их взаимной обусловленности.

Возражая Н. Полевому по поводу его рассуждений о средневековой Руси, Пушкин писал: «Вы поняли великое достоинство французского историка (Гизо. – Е. Ж.). Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада»[36]. Пушкин полагал, что в России не было феодализма. Ее путь развития отличается от западного: в России «существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян», как это было в истории Франции. Далее Пушкин поясняет причину исторического несходства различных народов, чьи пути не укладываются в жесткое ложе одной формулы: «Не говорите: *иначе нельзя было быть.* Коли было бы это правда, то историк был бы астроном и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из оного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *слу-*

[36] Пушкин А. С. «История русского народа». Сочинение Н. Полевого // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти т. Л., 1978. Т. 7. С. 100.

чая – мощного, мгновенного орудия провидения»[37]. Отметим также, что, характеризуя систему Гизо, Пушкин писал о том, что, отбрасывая все «случайное», Гизо стремился выявить в истории закономерный процесс развития. Именно Г изо показал, что история – это не хаотическое нагромождение случайностей, но торжество необходимости. В этом, по мнению Пушкина, и состоит «великое достоинство французского историка»[38]. «Разделяя в целом подобные взгляды на исторический процесс, Пушкин вместе с тем решительно отвергает представление об исторической необходимости как фатальной предопределенности, при которой случайности совершенно исключаются и от воли человека ничего не зависит»[39]. Он подчеркивал, что в истории можно определить лишь «общий ход вещей», общее направление событий, но невозможно «предвидеть *случая* – мощного, мгновенного орудия провидения»[40]. Эту мысль Пушкин аргументирует тем, что в то время как оказывалось возможным, например, предсказать «Камеру французских депутатов и могущественное развитие России»[41], никто не был в состоянии

---

[37] Там же. С. 100.

[38] Там же. С. 100.

[39] Тойбин И. М. Пушкин и философско-историческая мысль в России на рубеже 1820 и 1830-х годов. Воронеж, 1980. С. 21.

[40] Пушкин А. С. «История русского народа». Сочинение Н. Полевого // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти т. Л., 1978. Т. 7. С. 100.

[41] Там же. С. 100.

предсказать «ни Наполеона, ни Полиньяка»[42]. «В представлении Пушкина признание исторической необходимости отнюдь не исключает ни значения личной воли, ни роли случая. Он рассматривает их во взаимосвязи, не отрывая метафизически одного от другого»[43].

Таким образом, историзм начинается с преодоления (в той или иной степени) такого взгляда на историю, при котором отдельное событие рассматривается обособленно, вне связи с другими, вне процесса и развития, как проявление случайности и т. д. Историзм означает рождение нового взгляда на события прошлого. Он отстаивает принцип постоянного изменения развития и совершенствования общества. Историзм делает возможным понимание места каждого народа в прошлом человечества, своеобразия культуры каждой нации, он приоткрывает будущее, устанавливает связь современности с прошлым, которое ее подготавливало.

---

[42] Там же. С. 100.

[43] Тойбин И. М. Пушкин и философско-историческая мысль в России на рубеже 1820 и 1830-х годов. Воронеж, 1980. С. 21.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.